

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ОТРЕЗВЛЕНІЕ

1914 г.

Мартъ.

№ 1, вып. 3.

БЕЗСМЕРТНЫЙ ПОДВИГЪ

РАЗСКАЗЪ

Виктора Козлова.

РЕДАКЦІЯ ЖУРНАЛА
„ОТРЕЗВЛЕНІЕ“

СПБ., Надеждинская, 10.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный народный журналъ

— ОТРЕЗВЛЕНІЕ. —

Каждый № журнала состоитъ изъ 4 книжечекъ и 10 листковъ. Одинъ разъ въ мѣсяцъ къ журналу прилагается по 2 раскрашенныхъ народныхъ картинки.

Въ теченіе года подписчики получаютъ

200 кни-
жекъ **500** лист-
ковъ **24** кар-
тинки

Содержаніе книжечекъ и листковъ журнала будетъ касаться того, что, главнымъ образомъ, интересно и нужно народу.

Будутъ помѣщаться: религіозно-нравствен., историч., военные, патриотическіе, бытовые статьи и рассказы; статьи по сельскому хозяйству, артельному дѣлу, ремесламъ, промысламъ; статьи: противоалкогольныя, врачебныя, народно-правовыя и др.

Будетъ обращено особое вниманіе не общедоступность изложенія.

Духовныя, историческія и др. статьи, приуроченныя къ какому-либо событію или празднику, будутъ рассылаться заблаговременно.

Борьба съ пьянствомъ будетъ отведена видное мѣсто.

Къ сотрудничеству привлечены лучшіе думовые и свѣтскіе писатели.

Журналъ „Отрезвленіе“ приспособленъ для устройства продажи книгъ народу.

Подписная цѣна (съ пересылкой).

На годъ—4 руб., на 1/2 год.—2 руб., на 3 мѣс.—1 руб.

За границу цѣна двойная. Переменная адреса—20 коп.

Редакція и контора журнала „Отрезвленіе“.
С.-Петербургъ, Надеждинокая 10.

Безсмертный подвигъ.

Безсмертный подвигъ.

I.

На царской службѣ.

орogie папа, сестра Лелечка
и милая тетя Маня!

Вотъ вы меня отговари-
вали итти во флотъ; вы боя-
лись, что мнѣ будетъ скверно, что, непривыкшій къ суровой
морской жизни, я не вынесу тяжести службы. Но я на-
стоялъ на своемъ и не раскаиваюсь. Я попалъ въ среду
хорошихъ людей. Сначала ко мнѣ относились снисходи-
тельно, прощали мои ошибки, даже дѣлали мнѣ, по
сравненію съ прочей командой, различныя льготы. Ими
я мало пользовался, а теперь и совершенно привыкъ къ
службѣ. Я не то, чтобы горжусь, а просто чувствую себя
спокойно и хорошо, благодаря тому, что мнѣ не тяжело
нести обязанности на ряду съ остальными матросами
нашего маленькаго экипажа. Я уже телеграфировалъ
вамъ, что меня безъ промедленія зачислили охотникомъ

и назначили матросомъ второй статьи на миноносець «Стерегущій».

Это одинъ изъ лучшихъ и самыхъ большихъ миноносцевъ нашего флота. Вы не повѣрите, какъ особенно хорошо, какъ сильно и непоколебимо себя чувствуешь на этой дивной, стальной штуцѣ. Она мчится порой съ головокружительной быстротою. Такъ ходять только поѣзда да летить птица. Бывало, что по насъ стрѣляли. Снаряды шлепались гдѣ-то впереди, позади, вправо и влѣво, а мы летимъ, летимъ... Стоишь на мостикѣ, крѣпко держишься за поручни, а въ ушахъ только вѣтеръ свиститъ, да вода непрерывной бушующей волной хлещетъ черезъ всю палубу до самой кормы, обдаетъ сверху до низу на мостикѣ. О, это волшебныя, сказочныя минуты, мои дорогіе... Вы не знаете ихъ, не испытали и, конечно, не испытаете, а я не умѣю рассказать такъ, чтобы было понятно это чувство.

И руль, и грохочущая, стонущая, визжащая машина, и вся эта большая, длинная, зловѣщая, точно огромная змѣя, лодка повинуются одному человѣку, одному его слову, даже движенію. Видишь въ открытомъ морѣ непріятельскіе корабли, слышишь, какъ они палятъ, ощущаешь пролетающія надъ головой и въ сторонѣ ядра — и мало горя! Они не страшны намъ. Гдѣ ихъ неуклюжимъ, неповоротливымъ, тяжеловѣснымъ пушкамъ поймать насъ на прицѣль!.. Да имъ не услѣдить даже глазами нашего безумнаго бѣга, имъ въ подзорныя трубы не подмѣтить извивовъ нашего красавца «Стерегущаго». Часто по но

чамъ «Стерегущій» дѣлаетъ отчаянныя прогулки по морю къ неприятелю. Темный, одноцвѣтный съ водой, съ задраенными наглухо иллюминаторами, не выпуская ни единой искры, онъ тогда совершенно напоминаетъ огромную морскую змѣю. И, навѣрное, змѣя больше производитъ шума чешуей, чѣмъ мы своимъ легкимъ, рѣзвымъ бѣгомъ...

Въ такіе моменты нервы напряжены до послѣдней крайности. Теряется представленіе о времени. Порой минута кажется долгимъ-долгимъ часомъ, а часъ иногда— мгновенье.

Чувства такъ обостряются, что видишь въ полнѣйшей тьмѣ, слышишь и чуешь, будто дикій звѣрь. Въ подобномъ состояніи нѣтъ усталости и, говорятъ, нѣтъ боли, нѣтъ ощущеній жара, холода, опасности.

Это особенное, дивное, непередаваемое словами состояніе!

Я три раза былъ въ развѣдкахъ по ночамъ и всякій разъ испытывалъ это.

Нашъ командиръ, лейтенантъ Сергѣевъ, такой бравый, такой неустрашимый и, какъ самъ миноносецъ, отчаянный. И я, и вся команда любимъ его и вѣримъ въ него.

Онъ ужасно безпокойный, не признаетъ отдыха ни для себя, ни для подчиненныхъ. Вѣчно бы ему драться, драться и драться. Адмиралъ его очень цѣнитъ и поручаетъ всѣ серьезныя дѣла. Мнѣ говорили, что съ самага начала войны ни одно морское дѣло не обошлось безъ

его участія. Меня онъ иначе не называетъ, какъ «студентомъ». Утромъ встрѣчается и спрашиваетъ:

— Ну, что, какъ спали, студентъ?

Или же:

— Крутовато служить приходится, господинъ студентъ?

И всегда ласково, всегда заботливо, безъ насмѣшки и такъ во всѣмъ.

Относительно здоровья стыдно даже писать. За какой-нибудь мѣсяць я такъ раздался въ ширь, такъ поправился, сталъ такимъ сильнымъ, что самъ себѣ удивляюсь.

Боцманъ мнѣ часто говоритъ:

— А здорово ты, студентъ, въ кость расти пошелъ; за тобой не угоняешься!..

Онъ тоже, какъ и командиръ, зоветъ меня студентомъ...

Таеъ-то вотъ мнѣ и живется, мои дорогіе, милые, далекіе. На своемъ «Стерегущемъ» я, какъ у Христа въ укромномъ мѣстечкѣ.

Цѣлую васъ и обнимаю крѣпко-крѣпко! Вашъ Иванъ Терентьевъ».

Терентьевъ всталъ съ низенькаго табурета, потянулся и расправилъ затекшее въ неудобномъ, изогнутомъ положеніи тѣло.

Каюта боцмана, крошечная, съ узкой койкой у переборки, съ крошечнымъ кругленькимъ окошечкомъ наружу за бортъ, съ маленькимъ столикомъ и низень-

кимъ-низенькимъ табуретомъ, вся пропитана запахомъ раскидавшагося, потнаго боцманскаго тѣла.

Воздухъ тяжелой, пахучей, теплой массой давитъ, дѣлаетъ кожу липкой, заставляетъ кружиться голову.

Запечатавъ письмо въ конвертъ и наклеивъ марку, Терентьевъ открылъ дверь и вышелъ въ кубрикъ. Даже спертый, насыщенный испареніями воздухъ кубрика послѣ боцманской каюты кажется свѣжимъ. Тамъ и здѣсь, въ повалку, какъ попало, разложили матросы пробковые матрацы и спятъ. Иные здорово храпятъ, другіе только посапываютъ, третьи что-то ворчатъ, ворочаются. Терентьевъ осторожно шагаетъ черезъ тѣла спящихъ при тускломъ свѣтѣ одинокаго маслянаго фонаря

Вчера и сегодня отдыхъ, команда спитъ вся, безъ вахты, даже безъ дежурнаго отдѣленія. Только трое дневальныхъ ходятъ взадъ и впередъ, приглядывая за огнями, оберегая отъ пожара.

Кое-какъ Терентьевъ добрался до трапа и поднялся на верхнюю палубу.

Его сразу же охватило свѣжестью морозной ночи. Зима еще не совсѣмъ уступила свои права веснѣ и по ночамъ покрываетъ воду тонкой корочкой льда, морозить и разукрашиваетъ все инеемъ.

— Напрасно, Михаилъ Семенычъ, раздѣтый выходишь-то,—раздался тихій и ровный голосъ подлѣ самага уха Терентьева. Еще не разсмотрѣвъ говорившаго, онъ узналъ его по голосу.

— Что, Мартынычъ, дневалишь?.

— Да вотъ смѣняться скоро: сейчасъ четыре склянки бить буду.

— Неужели два часа уже?

— Въ аккурать два, безъ двухъ минутъ, только что смотрѣлъ. А ты пошто не спишь, Михаилъ Семенычъ?

— Письмо домой писалъ.

Помолчали. Терентьевъ засмотрѣлся на темное-темное небо, усыпанное далекими, чуть мигающими звѣздами.

Мартынычъ постоялъ, потоптался; кажется, ему хотѣлось еще что-то сказать, но почему-то онъ не рѣшился и пошелъ бить склянки. Звукъ судового колокола понесся, рѣзкій, сильный. Терентьевъ даже вздрогнулъ. и почувствовалъ, что ему становится холодно. Но звѣзды его притягивали. Это—тѣ-же холодныя, безстрастныя звѣзды, на которыя онъ смотрѣлъ дома, на которыя, быть можетъ, вчера или сегодня смотрѣли Леля, папа, тетя Маня. И они вспоминали его, какъ онъ вспоминаетъ теперь ихъ, глядя на зеленоватые лучи красавца Ориона.

— Онѣ намъ становятся милѣе, когда представляютъ собою единственный видимый предметъ, на которомъ могутъ встрѣтиться наши глаза, любимые глаза. Почему я не написалъ объ этомъ?—подумалъ Терентьевъ и пошелъ въ кубрикъ спать, рѣшивъ, что въ слѣдующемъ письмѣ обязательно напишетъ.

II.

Опасное порученіе.

Чуть показалась зорька разсвѣта, дневальный про-
свисталъ въ дудку и, наклонясь надъ люкомъ въ матрос-
скій кубрикъ, прокричалъ:

— Вставай, умывайся, пошелъ всѣ на палубу!

А черезъ полчаса боцманская дудка заливалась при-
хотливыми соловьиными трелями и хриповатый голосъ
проникалъ во всѣ уголки миноносца:

— Выноси койки на мостикъ!.. На молитву!

Свѣже-умытыя лица, съ неуспѣвшими еще изгладиться
слѣдами сна, крестились, что-то шепча губами.

— Навройсь!.. Чай пить!

Кто стоя, кто сидя, группами по нѣсколько человѣкъ-
команда принялась за чай.

Лейтенантъ Сергѣевъ поднялся въ отличномъ распо-
ложеніи духа. Во время молитвы онъ забрался въ самую
середину команды, набожно крестился, а когда молитва
окончилась, то съ нескрываемымъ удовольствіемъ нѣсколько
разъ повторилъ:

— Вотъ и помолились, ребяташки, вотъ и помоли-
лись. Кажись, недѣльки три на маливались, все трепались
по морю... А теперь вотъ отдохнули и помолились...

Онъ потиралъ свои большія красныя руки, немножко
застывшія и еще больше покраснѣвшія отъ свѣжаго
утренника. Команда ѣла хлѣбъ и масло, пила горячій
чай, кругомъ стоялъ паръ отъ чая, отъ котла, отъ теп-

лыхъ людскихъ тѣлъ, а командиръ подходилъ то къ одному, то къ другому и, не мѣшая ѣсть, толковалъ про отдыхъ и про молитву. У него это выходило естественно и просто, и командѣ сообщалось его хорошее, жизнерадостное настроеніе. За эту простоту и сердечность команда главнымъ образомъ и любила Сергѣева.

Терентьевъ держалъ въ правой рукѣ большую эмалированную кружку съ чаемъ, а въ лѣвой ломоть хлѣба съ масломъ и съ удовольствіемъ ѣлъ. Командиръ замѣтилъ его.

— Что, студентъ, насыщаетесь? Привыкли къ матросскому пайку?

Михаилъ Семеновичъ хотѣлъ отвѣтить, но большой кусокъ хлѣба во рту мѣшалъ, и онъ только сдѣлалъ неопредѣленное движеніе рукой и, улыбаясь глазами, промычалъ что-то неразборчивое.

Сергѣевъ понялъ и тоже улыбнулся.

— А вотъ я не могу. Пробовалъ привыкать — и не могу... Пью кофе съ булками.. Это вѣроятно оттого, что не было особенной нужды. И кофе, и булки всегда есть, и не къ чему, значить, себя насиловать.

— Я ни лишеній, ни неудобства отъ этого не чувствую. Иной разъ кажется удивительно вкусно,—отвѣтилъ Терентьевъ, справившись наконецъ съ мѣшавшимъ кускомъ.

— И отлично, милый мой, и отлично!..

И лейтенантъ пошелъ дальше.

Совершенно невзначай въ семь часовъ къ миноносцу

подошелъ паровой катеръ, и изъ него на бортъ поднялся адмиралъ Макаровъ. Загудѣла дудка боцмана, засуетились офицеры, забѣгала команда. Но адмиралъ отмахнулся рукой отъ рапорта и крикнулъ вдоль палубы:

— Продолжай работу, ребята!.. Не время парады устраивать,— и пошелъ на мостикъ...

Командиръ, нѣсколько растерявшійся отъ неожиданности прїѣзда, неловко сгибалъ здоровую шею и, держа руку у козырька фуражки, шелъ рядомъ съ адмираломъ

На вопросы Макарова о состояніи миноносца онъ отвѣчалъ неудачно, невпопадъ.

Адмиралъ удивленно посмотрѣлъ на него, слегка усмѣхнулся въ широкую бороду и, обратившись къ сопровождавшимъ его начальнику штаба и адъютантамъ, сказалъ:

— Можете, господа, ѣхать на берегъ и пришлите черезъ полчаса за мной катеръ.

А когда катеръ со свитой отвалилъ, то Макаровъ обратился къ Сергѣеву:

— Проведите меня въ каютъ-компанію и попросите туда же офицеровъ.

— Господа, адмиралъ васъ проситъ въ каютъ-компанію, — сказалъ командиръ, обернувшись къ стоявшимъ у противоположнаго борта двумъ мичманамъ и инженеръ-механику.

Каютъ-компанія на „Стерегущемъ“ маленькая-маленькая. Со шканцевъ въ нее ведетъ узкій трапикъ а сквозь стекла люка проникаетъ масса свѣта. Всѣ деревянные

части и мебель теперь выкинуты. Въмѣсто стульевъ стоятъ пробковые, свернутые въ цилиндры, матрацы, или, какъ ихъ называютъ моряки, «койки». Столъ устроенъ изъ листа котельнаго желѣза и покрытъ клеенкой.

Двери офицерскихъ каютъ выходятъ въ каютъ-компанію, и все это пространство въ нѣсколько кубическихъ саженей занято четырьмя офицерами „Стерегущаго“.

Усѣвшись на одной изъ коекъ и пригласивъ сѣсть офицеровъ, адмиралъ оглядѣлъ внимательнымъ, опытнымъ глазомъ помѣщеніе, подмѣтилъ выраженіе торжественности и чопорности на лицахъ хозяевъ и, снова добродушно усмѣхаясь, проговорилъ:

— Можетъ быть, у васъ чай готовъ? Съ четырехъ часовъ сегодня на ногахъ, а чаю не пилъ... Все некогда.

Сергѣевъ покраснѣлъ и засуетился.

— Простите, ваше превосходительство... Я не думалъ, что вы такъ просто... Вѣстовой! живо!..

Когда принесли чай, а командиръ развернулъ предъ адмираломъ потребованную имъ карту Квантунскаго побережья, то, отхлебывая задумчиво изъ стакана, Макаровъ какъ-бы между прочимъ произнесъ:

— Вамъ предстоитъ серьезное, отчаянное дѣло...

Офицеры переглянулись. Сергѣевъ не могъ скрыть довольной улыбки.

— Напрасно вы радуетесь заранѣе. Дѣло, дѣйствительно, изъ рукъ вонъ опасное... Его только чудомъ можно благополучно окончить,

Командиръ привычнымъ движеніемъ сложилъ и потеръ свои большія ладони.

— Это ничего, ваше превосходительство, мы счастливы... Я ручаюсь за успѣхъ... Хоть сію минуту!

И все его лицо сіяло, а большіе глаза такъ блестѣли, будто искрились.

Адмиралъ не удержался и, положивъ свою руку на красныя ладони лейтенанта, проговорилъ особеннымъ, ему свойственнымъ тономъ:

— Я въ васъ не сомнѣвался... Вы... вы дѣйствительно молодець!

Мичмана и инженеръ-механикъ сидѣли, потупившись. Имъ эта сцена казалась черезчуръ трогательной. Ихъ молодыя, поростающія первымъ пушкомъ лица, задорная юношеская кровь и горячій нравъ полуоперившихся воякъ не признавали чувствительности. Воевать, такъ воевать, драться, такъ драться, а не къ чему нѣжности всякія разводять.

У Сергѣева же на глазахъ заблестали двѣ предательскія слезинки.

— Такъ вотъ, господа, въ чемъ дѣло. Видите вы эти островки. Вотъ эта группа—Эліотъ, здѣсь—Блондъ,—адмиралъ, наклонившись надъ картой, чертилъ по ней чайной ложечкой, а офицеры съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдили за малѣйшимъ его движеніемъ. — Эліотъ — главная база непріятеля. Тамъ вся ихъ эскадра, тамъ ихъ угольные склады, провіантскіе магазины, запасы снарядовъ... Возможно, тамъ уже и нѣкоторый десантъ. Мы знаемъ

кое-что отъ шпионовъ-китайцевъ, но имъ нельзя слишкомъ вѣрять. Японцы осторожны и хитры—врядъ ли они подпускаютъ близко китайцевъ. Поэтому я думаю, что наши длиннокосые лазутчики часто говорятъ по наслышкѣ, а главнымъ образомъ врутъ... Необходимо все это узнать навѣрное, необходимо собственными глазами убѣдиться, даже руками ощупать, что тамъ есть и чего нѣтъ. Вы меня понимаете? Если у меня будутъ планы стоянки броненосной эскадры японцевъ у Элюта, то вамъ, лейтенантъ Сергѣевъ, выпадетъ честь первому атаковать ихъ торпедами. Вы на своемъ «Стерегушемъ» покажете путь нашей минной эскадрѣ и атакуете корабль адмирала Того. Судя по всему, у Блондской группы и ближе къ намъ у отдѣльныхъ островковъ находятъ себѣ пріютъ ихъ миноносцы. Ихъ надо очень и очень опасаться. Они настрожѣ... Японскіе моряки отлично чуютъ и прекрасно несутъ службу. Малѣйшая съ вашей стороны оплошность—и все погибло. Я васъ посылаю въ самую пастъ съ острыми, ядовитыми зубами... Помните, что это дѣло можетъ рѣшить участь всей войны.

Адмиралъ помолчалъ, какъ бы давая время подчиненнымъ проникнуться важностью порученія. Потомъ, быстро, нѣсколькими глотками допивъ чай, продолжалъ:

— Ночью, незамѣтно вы выйдете изъ порта. Кромѣ насъ, только мой начальникъ штаба будетъ знать объ этомъ. Не обнаруживая себя, вы, не спѣша, пройдете до Дальняго и станете за тѣмъ островомъ, что при входѣ въ Дальнинскую бухту. Тамъ вы дождетесь слѣдующей ночи

— Вамъ, только вамъ, я поручаю это дѣло...
къ стр. 16.

и, какъ только стемнѣтъ, двинетесь къ Эліоту. Дальнѣйшее предпринимайте сами по собственному усмотрѣнію, въ зависимости отъ обстоятельствъ. Даю лишь общіе со- вѣты. Пары имѣть полные, но итти малымъ ходомъ. Въ случаѣ же, если васъ обнаружатъ, машинъ не жалѣть: каждая секунда драгоцѣнна. Спасаться самое лучшее въ Портъ-Артуръ, а не въ Дальній, такъ какъ тамъ вы можете взорваться на нашемъ минномъ загражденіи. Если прой- дете незамѣченными—пристанете къ самому заброшенному острову, и не со стороны материка, а со стороны моря. Тамъ меньше надзора. Какимъ образомъ узнать расположе- ніе непріятельскихъ судовъ—дѣло вашего соображенія. У японцевъ, насколько можно судить, острова и эскадра оберегаются главнымъ образомъ крейсерствомъ мелкихъ судовъ, а не освѣщеніемъ прожекторовъ. Лучи видны не каждую ночь. Это примите во вниманіе. И—съ Богомъ! Береженаго Богъ бережетъ; это помните...

Адмиралъ всталъ и, широко открывъ руки, обнялъ Сергѣева. Они поцѣловались. На глаза лейтенанта опять набѣжала досадная слеза, и опять мичмана подумали, что въ сценѣ прощанія слишкомъ много чувствительности.

— Вамъ, только вамъ, я поручаю это дѣло. Хотя до Дальняго съ вами пойдетъ миноносецъ «Рѣшительный», но онъ останется тамъ до вашего возвращенія... Двумъ судамъ тутъ дѣлать нечего... А теперь собирайтесь... Я нарочно далъ вамъ двухдневный отдыхъ. Вамъ нужны силы... Дай Богъ успѣха!

Адмиралъ перекрестился, крѣпко пожалъ руки всѣмъ

офицерамъ и вышелъ на палубу. Кругомъ стояла команда. Паровой катеръ уже шипѣлъ у трапа, дожидаясь адмирала..

— Въ большое дѣло идете, ребята!.. Богъ вамъ на помощь! Если есть у кого письма, давайте мнѣ, я отошлю... Сообщенія съ берегомъ не будетъ.

Терентьевъ вышелъ и подаль адмиралу конвертъ.

— Ты зачѣмъ же, братецъ, марку наклеилъ? Теперь безъ марки доходить. Ого, да какое оно тяжелое! Небось всѣ подвиги описалъ?

Адмиралъ шутилъ и, прищуривъ одинъ глазъ, читалъ адресъ.

— Генералъ - лейтенантъ Терентьевъ тебѣ какъ приходится?

— Мой отецъ, ваше превосходительство.

— Ахъ, да! Ты вѣдь охотникъ изъ студентовъ!.. Помню, помню, какъ же!.. Хорошо ли служишь?

— Стараюсь, ваше превосходительство, чтобы лучше выходило... Покамѣстъ не бранять.

Лейтенантъ Сергѣевъ наклонился къ уху адмирала и шопотомъ проговорилъ:

— Удивительный молодецъ, ваше превосходительство. Никогда не ожидалъ, чтобы такъ ко двору пришелся.

— Очень радъ, молодецъ! — вслухъ произнесъ адмиралъ и, подойдя къ Терентьеву вплотную, добавилъ:— Нашей нашивки, производишься въ квартирмейстеры.

— Поворно благодарю, ваше превосходительство! — форменной фразой отвѣтилъ студентъ.

III.

Съ Богомъ!

«Стерегушій» и «Рѣшительный», притаившись за островкомъ при входѣ въ Таленванскую бухту, простояли цѣлый день. Островъ небольшой, по формѣ напоминашій утюгъ и, кажется, прозванный такимъ именемъ мѣстными жителями, вздымался крутой каменной скалой кверху. На немъ не было ни одного деревца. Склоны поросли жиденькимъ, еще не вполне оттаявшимъ мхомъ, а на вершинѣ, оканчивающейся широкой площадкой, лѣтомъ росла трава и кое - гдѣ цѣплялся сухой, колючій кустарникъ. Этотъ высокій гранитный утесъ какъ-бы самой природой предназначался для наблюдательнаго поста. Съ него открывался видъ на далекое-далекое пространство. Взобраться было трудно, но Сергѣевъ вызвалъ охотниковъ, умѣющихъ лазить и карабкаться и не жалѣющихъ ни рукъ, ни головы. Вызвался и Терентьевъ. Ему вмѣстѣ съ Мартынычемъ и сигнальщикомъ Митькой Чурбановымъ пришлось провести на вершинѣ цѣлый день. Первымъ ползъ Чурбановъ. Не взирая на неповоротливую фамилію, онъ былъ большой мастеръ карабкаться и преодолевать всякія Эпрепятствія. Ему обвязали тонкую бичевку вокругъ пояса, и вся команда съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила, какъ Чурбановъ цѣплялся руками за выступы скалы, какъ онъ то скрывался въ какихъ-то трещинахъ, то ползъ, казалось, по совершенно гладкому отвѣсу. Внизу скала еще не освободилась отъ скользкаго

льда, хотя и ставшаго уже ноздреватымъ, но еще плотно державшагося. Но чѣмъ выше, тѣмъ и взбираться было легче и легче. Мускулистая, жилистая руки Чурбанова словно вѣщи схватывали каждый камень; широкія ступни въ грубыхъ сапогахъ, будто звѣриныя когтистая лапы, цѣплялись за каждый выступъ. Черезъ десять минутъ онъ уже былъ на самой вершинѣ, втягиваль бичевкой прочный конецъ и укрѣплялъ его за большой неподвижный камень. При помощи конца взобрались Мартынычъ и Терентьевъ.

Утесъ былъ такъ высокъ, что только неприспособленность человѣческаго глаза не позволяла видѣть дальше опредѣленнаго разстоянія. Даль не сливалась съ моремъ, образуя горизонтъ, а какъ бы таяла въ безконечномъ пространствѣ. Когда наши молодцы вооружились морскимъ биноклемъ и трубой, то ясно стали различать японскія суда. Нѣсколько миноносцевъ, не слишкомъ спѣша, крейсировали миляхъ въ пятнадцати отъ берега. Даже въ подозрную трубу они были чуть видны.

Передъ вечеромъ откуда-то съ запада показалась значительная часть главныхъ кораблей японской эскадры и прошла къ Эліоту.

Сигнальщикъ насчиталь четыре броненосца и шесть большихъ крейсеровъ.

Получивъ это извѣстіе со скалы, Сергѣевъ обрадовался.

— Это признакъ удачи,—говорилъ онъ мичману Кривецкому.—Теперь мы навѣрное знаемъ, что эскадра но-

чуешь у острововъ. Не будетъ, значить, лишней тревоги, лишняго безпокойства... Эхъ, только бы удалось, только бы счастья далъ Богъ!—и командиръ въ волненіи потиралъ руки.

— Опасаюсь я, не вѣрю въ хорошій конецъ,—сумрачно отвѣтилъ Кривецкій.—Вы сообразите только, на что мы идемъ, на какое безумное, невозможное дѣло.

— Тѣмъ лучше, что безумное. Если безумное, значить, надо дѣйствовать рѣшительно, не колеблясь, не малодушествуя. Значить, полагайся на счастье, на храбрость экипажа, на силу машины, на личную смекалку. И хорошо, и отлично, что безумное... А не удалось—умирай, тони, гибни! Какіе же тутъ разговоры длинные? Да-съ, я всегда такъ думалъ... Безъ риска, безъ опасности не можетъ быть и настоящаго, прочнаго счастья. А если оно и придетъ само, глупо и слѣпо, то слюнтяй и не опознаетъ его. Онъ не сѣялъ—ему и жатва не въ прокъ... Такъ-то!..

Командиру не возражали, и онъ мало-по-малу умолкъ. Передъ самымъ заходомъ солнца онъ приказалъ спуститься съ утеса, потомъ собралъ всю команду до послѣдняго человѣка въ кубрикѣ и рассказалъ имъ, какое порученіе далъ адмиралъ „Стерегущему“.

Экипажъ слушалъ, молча, до конца, а потомъ боцманъ, стоявшій ближе другихъ къ лейтенанту, проговорилъ:

— Что-жъ, разъ приказано, значить—надыть исполнять. Никакихъ разговоровъ тутъ не полагается.

— Это ты врешь, боцманъ. Какъ же не полагается?

Надо обо всемъ заранѣе условиться, все предусмотрѣть, а то, не дай Господь, что случится, тогда уже будетъ поздно беречься-то... Первое, это отнюдь не шумѣть, не разговаривать, не передавать команду громко. Всѣ приказанія шопоткомъ, на ухо. Второе, закрыть огни, задрать всѣ люки, чтобы стука машиннаго слышно не было. Третье, машину топить только отборнымъ углемъ. Чуть какая искра изъ трубы вылетитъ — все пропало и не сносить намъ головушекъ. Четвертое, хорошенько смазать минные аппараты, намазать мины, осмотрѣть и еще разъ вычистить орудія, приготовить снаряды... Каждый, братцы, будь на чеку, держи ухо востро. А ужъ коли попадемся, то живымъ въ руки не даваться. Поняли?

Слова командира возымѣли дѣйствіе. Безъ понуканій, безъ приказаній унтеръ-офицеровъ принялись за дѣло. Кочегары отбирали лучшей уголь; комендоры чистили стволы пушекъ, изготовляли снаряды; минеры обмасливали и безъ того лоснящіяся торпеды Уайтхедовской системы...

Со стоящаго неподалеку „Рѣшительнаго“ видѣли всѣ эти приготовленія и не понимали, куда и зачѣмъ уходитъ „Стерегущій“.

Чѣмъ ближе подходилъ срокъ выхода въ опасную развѣдку, тѣмъ покойнѣе и хладнокровнѣе становился Сергѣевъ.

Онъ сказалъ себѣ:

— Обстоятельства сами укажутъ, что надо дѣлать,— и волненіе проходило, то волненіе, которое наружно вы-

ражалось у него въ потираніи рукавъ, въ быстро набѣгавшей и сбѣгавшей краскѣ лица.

Ему казалось, что и голова его стала свѣтлѣе, и умъ быстрѣе, сообразительнѣе.

— Да, обстоятельства укажутъ!..

Было безъ пяти восемь, когда подняли якорь и дали машинамъ малый ходъ.

Будто по командѣ, всѣ, отъ командира до послѣдняго матроса, сняли фуражки и перекрестились, а съ „Рѣшительнаго“ донесся негромкій возгласъ командира:

— Съ Богомъ! Желаю успѣха!..

IV.

У непріятели.

Стукъ машины раздавался явственно, отчетливо. Въ ночной тишинѣ моря онъ такъ гудѣлъ и разносился, что казалось совершенно невозможнымъ что-либо развѣдать, куда-нибудь пробраться незамѣченнымъ. Чѣмъ ближе подходилъ миноносецъ къ мѣсту назначенія, тѣмъ больнѣй и больнѣй отзывался каждый взмахъ главнаго вала въ груди лейтенанта Сергѣева. Это его такъ мучило, что, когда машина особенно громко стучала, онъ готовъ былъ возненавидѣть своего любимца «Стерегущаго».

Въ самомъ дѣлѣ: какъ пробраться въ середину непріятельской эскадры на стучащемъ, шипящемъ и дро

жащемъ отъ избытка пара миноносцѣ? Да его за версту разслышатъ, за версту распознаютъ и, конечно, спросятъ сигналомъ: кто такой и откуда.

«Стерегущій» шелъ среднимъ ходомъ, дѣлая не больше 16—18 узловъ. Сначала командиръ держался на востокъ. Около 11 часовъ ночи на лѣвомъ траверзѣ миноносца долженъ былъ оказаться островъ Торнтонъ изъ группы Блондъ. Пройдя для предосторожности еще десять минутъ тѣмъ-же румбомъ, Сергѣевъ круто переложилъ курсъ на нордъ-вестъ и сталъ огибать острова Блонда.

Изрѣдка боцманъ проходилъ на носъ и шопотомъ говорилъ «впередсмотрящему».

— Не прозѣвай, Мартынычъ, дѣло, братъ, серьезное.

Но пошрять и понукать было не въ чему.

Вся палубная команда и даже нѣкоторая часть машинной и минной приютились у мостика, у рулевой рубки, у поручней. Нѣсколько десятковъ глазъ до боли въ зрачкахъ всматривались въ темноту ночи. Море однообразно плескалось и журчало непрерывной, быстрой волной вдоль корпуса „Стерегущаго“.

Мѣрно вздрагивала сталь миноносца подъ ударами винта, гудѣла машина и шипѣлъ паръ.

Полтора часа тянулись томительно-медленно. Когда, наконецъ, и они прошли, то Сергѣевъ передалъ въ машину приказаніе убавить ходъ до малаго и, крѣпко ухвативъ руками поручни, сталъ всматриваться въ пространство...

Миноносецъ медленно повернулъ и шелъ съ открытаго

моря къ проливу между двумя главными островами Эліотской группы.

Рядомъ съ Сергѣевымъ очутился мичманъ Сорочкинъ и взволнованно прошепталъ:

— Какъ-бы на рифъ не наскочить!

— Молчи!—коротко и сурово отвѣтилъ ему командирь.

Темной, недвижной массой вырисовывался впереди берегъ. Сначала очертанія его были расплывчаты, неясны, но, чѣмъ ближе подходилъ миноносецъ, тѣмъ рѣзче и рѣзче стали выступать возвышенности. Только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берегъ былъ пологій, онъ совершенно сливался съ темной водой, и его нельзя было рассмотреть.

Вдоль берега „Стерегущій“ шелъ тихо-тихо.

— Мы въ проливѣ, — услышалъ у себя надъ ухомъ Сергѣевъ. Перейдя на другой бортъ, онъ увидѣлъ и съ правой стороны возвышающіяся скалы острова.

Огибая южный островокъ, миноносецъ вошелъ въ проливъ.

— Быть всѣмъ по мѣстамъ! — прошепталъ командирь.—Прислуга къ орудіямъ и миннымъ аппаратамъ!

Шопотъ передался по палубѣ и растаялъ. При томъ ходѣ, какимъ двигался миноносецъ, машина почти не стучала. Только паръ вырывался изъ какихъ-то отверстій и назойливо шипѣлъ. Катясь правымъ бортомъ, миноносецъ ближе и ближе подходилъ къ сѣверному берегу, удаляясь отъ южнаго. Скоро южный берегъ совершенно исчезъ въ темотѣ, зато ясно выдѣлились черныя высоты сѣвернаго острова.

Вдругъ „Стерегущій“ почти остановился. Машины застопорились, и только чуть-чуть урчащая у праваго борта вода указывала, что корпусъ продолжаетъ катиться къ берегу.

— Что случилось? Кто приказалъ застопорить?— почти полнымъ голосомъ спросилъ Сергѣевъ, но въ ту же секунду смолеть.

Вдоль пролива, шипя и громко стуча, очевидно, попорченнымъ механизмомъ, шелъ большой паровой катеръ. Онъ нагонялъ миноносецъ, но держался середины пролива.

Всѣ притаили дыханіе, слѣдя за проходящимъ суденышкомъ.

— Замѣтитъ или пройдетъ мимо?—мелькала у всѣхъ одна и та же мысль.

— Если эта посудина откроетъ насъ, я ее, ни минуты не медля, пушу ко дну, — сказалъ лейтенантъ мичману Сорочкину и, не отрываясь, слѣдилъ за катеромъ.

Въ одномъ мѣстѣ виденъ былъ свѣтъ. Очевидно, катерная прислуга не слишкомъ опасалась и не прикрывала топки.

Миноносецъ стоялъ въ тѣни берега, и съ катера его не замѣчали. Когда, шипя и гроыхая, японцы прошли мимо и съ борта „Стерегущаго“ уже видна была корма, всѣ вздохнули облегченно.

— Намъ по тому же направленію нельзя итти, — проговорилъ Сергѣевъ.— Чортъ ихъ знаетъ, гдѣ они останутся. Еще наткнемся...

Онъ приказалъ дать самый малый ходъ и медленно повернулъ обратно къ выходу изъ ловушки.

Вышли изъ пролива благополучно и стали огибать сѣверный островъ. Хотя опасность не миновала, а, наоборотъ, съ каждой минутой увеличивалась, но въ открытомъ морѣ всѣ почувствовали себя бодрѣе.

Приближались медленно, но вѣрно и упрямо къ японской эскадрѣ. Если въ слабо охраняемомъ проливѣ можно было скрыться, то вблизи эскадры это ужъ было невысказано. Сергѣевъ держался на такомъ разстояніи отъ острова, чтобы не быть замѣченнымъ непріятельскими береговыми постами, которые, конечно, тамъ имѣются. Но ему въ то же время не хотѣлось отходить далеко въ море. Тамъ, по его соображенію, должны были крейсировать сторожевые японскіе миноносцы и мелкіе крейсера. Имъ не дѣя чего подходить слишкомъ близко къ берегу, но на нѣкоторомъ разстояніи они навѣрняка шлюются. И Сергѣевъ старался держаться середины.

Взглянувъ на часы, лейтенантъ ужаснулся. Скоро три, а у него ничего не сдѣлано, ничего не развѣдано. Черезъ четыре часа станетъ совершенно свѣтло. Къ этому времени необходимо быть далеко въ морѣ и мчаться на всѣхъ парахъ въ Дальній или въ Портъ-Артуръ.

— Неужели ничего не сдѣлаю? Неужели понапрасну подвергаю команду опасности и не исполню порученія адмирала?

И онъ передалъ въ машину:

— Больше ходъ!..

Вода зашумела, заурчала. Машина рѣзко и какъ то преувеличенно громко стала стучать всѣми своими колесами, всѣми валами.

— Непріятель показался на носу!—донесся до командира шопотъ, и въ тотъ же моментъ онъ скомандовалъ:

— Стопъ обѣ машины!

Съ разбѣга миноносецъ еще двигался впередъ, но безмолвно, незамѣтно.

Пробѣжавъ по палубѣ, Сергѣевъ съ носа сталъ вглядываться въ мракъ. Впереди, дѣйствительно, вырисовывались громады двухъ кораблей. Еще нельзя было разобрать, что это: броненосцы или крейсера, но миноносецъ шелъ и шелъ.

— Эхъ, рискнуть бы, — пронеслось въ головѣ лейтенанта. — Пустить парочку торпедоѣв—и во всѣ лопатки домой...

— Ваше благородіе, броненосцы стоятъ, — шопотомъ доложилъ ему Чурбановъ, оказавшійся рядомъ.

— Почему броненосцы? А можетъ крейсера?

— Нивакъ нѣтъ, по наружности—броненосцы. Ужъ я знаю. Не впервой вижу-то ихъ.

У командира мелькнула мысль.

— А что, Чурбановъ, можно ли на тузикѣ узнать, броненосцы это, или крейсера?

— Чего-жъ нельзя? Мигомъ слетаю.

— Такъ спустить тузикъ. Только быстро. И не шумѣть.

„Стережущій“ находился въ какой-нибудь верстѣ отъ большихъ судовъ.

Ни одного огня не свѣтилось на нихъ, ни малѣйшаго пороха не несло оттуда.

Черезъ нѣсколько минутъ тузикъ былъ на водѣ.

— Ваше благородіе, разрѣшите мнѣ съ Чурбановымъ, — попросилъ Терентьевъ

— Ступайте, только, смотрите, — осторожниѣе и быстрѣе..

Вмѣсто кожи, весла были обернуты тряпками, чтобы они не стучали въ уключинахъ.

Чурбановъ гребъ безъ брызгъ, безъ плеска, безъ стука. Тузикъ, словно тѣнь, скрылся въ темнотѣ, и когда Терентьевъ улучилъ минуту, чтобы обернуться и посмотреть на свой миноносецъ, „Стерегущій“ казался длинной, едва замѣтной надъ водой змѣйкой.

Огромныя японскія суда стояли въ четыре колонны на якоряхъ. Проѣхавъ вдоль ближайшаго ряда, въ которомъ было четыре большихъ крейсера, Чурбановъ и Терентьевъ разглядѣли, что сзади нихъ, ближе къ берегу, стоятъ броненосцы, а дальше еще какія-то суда, рассмотреть которыя было невозможно.

— Теперь назадъ! — прошепталъ Чурбановъ и налегъ на маленькія весла тузика.

Предразсвѣтный мракъ особенно сильно сгустился, когда, повернувшись на самомъ медленномъ ходу, „Стерегущій“ пошелъ въ обратный путь къ Дальнему.

Внѣ опасности.

Разсвѣтъ начался въ туманѣ. Мѣстами полупрозрачный, позволявшій видѣть на нѣсколько саженой впередъ, онъ сплошь покрывалъ весь Корейскій заливъ. „Стерегущій“, обогнувъ острова Блонда, теперь мчался полнымъ ходомъ. Крѣпкій, какъ бы литой изъ стали, корпусъ содрогался и звенѣлъ отъ страшнаго напряженія пара. Не взирая на совершенно покойную гладь моря, передъ носомъ миноносца вздымалась гора воды, пѣны и брызгъ. „Стерегущій“ развилъ скорость до 25-ти узловъ и гналъ передъ собою огромный валъ, зарываясь носомъ. Весь бакъ судна шелъ какъ бы подъ водою, а непрерывная волна стремительно хлестала черезъ мостикъ, черезъ шкафутъ и шванцы до самаго юта.

Въ кочегарномъ отдѣленіи кипѣла лихорадочная работа. То и дѣло туда заглядывалъ инженеръ-механикъ Анастасовъ и, весь красный отъ жара, весь потный, замазанный масломъ и сажей, въ какомъ-то особенномъ возбужденіи покрикивалъ:

— Работай, братцы!.. Не выдавай... На волоскѣ висимъ.

И „братцы“ работали.

Словно жерла ада пылали печи. Отборный вардифъ, казалось, не сторалъ, а представлялъ собою кипящую, расплавленную массу. И пока въ однѣхъ топкахъ огонь, достигнувъ высшаго предѣла, давалъ миноносцу безум-

ный бѣгъ, въ другихъ онъ еще только разгорался, а въ третьихъ, засыпанный свѣжимъ углемъ, казался потухшимъ.

Къ тому моменту, какъ жаръ первыхъ топокъ началъ ослабѣвать, наивысшаго напряженія достигали вторыя печи.

Тогда первая закидывались чернымъ кардифомъ и переходили въ третій разрядъ.

Нивогда, ни на какихъ пробныхъ гонкахъ, ни на какихъ маневрахъ кочегары не достигали такого мастерства, какъ въ это утро.

Они безотчетно чувствовали, что отъ ихъ умѣнья зависитъ жизнь и смерть и экипажа, и самага миноносца.

Ихъ черныя, сплошь облѣпленные угольной пылью лица дышали рѣшимостью.

Ихъ мозолистыя руки перебирали и ощупывали каждый кусокъ топлива. Обычныя желѣзныя лопатки были отброшены—все дѣлалось голыми руками.

„Стерегущій“ гремѣлъ, дрожалъ всѣми бимсами и переборками и мчался, разсѣвая покойную штатлевую гладь моря.

Въ обыкновенное время туманъ причинилъ бы массу безпокойства. Гудѣла бы непрерывно визгливая сирена, баковый матросъ однообразно выбивалъ бы въ колоколь скучные три удара, шли бы тихимъ-тихимъ ходомъ, поминутно справляясь съ компасомъ, картой и барометромъ.

Теперь про все это забыли. Теперь туману радовались, какъ родному, близкому существу.

— За насъ Богъ, за насъ!—радостно потирая руки, говорилъ командиръ Кривецкому.—И вѣдь какъ кстати! Нарочно выдумывай — не придумаешь!.. Вы только поймите. Если бы утромъ насъ увидѣли японцы, то и при удачномъ возвращеніи въ Артуръ большая половина плодовъ нашей развѣдки пропала бы. Узнавъ, что нашъ миноносецъ что-то высматривалъ у нихъ ночью, они, конечно, измѣнили бы мѣсто стоянки и удвоили бы бдительность охраненія. А теперь получился восторгъ, а не развѣдка. Имъ и въ носъ не кинется, что мы у нихъ шныряли между островами, въ сердцѣ эскадры. И я увѣренъ, что въ одну изъ слѣдующихъ ночей мы имъ такого перцу зададимъ, что разлюли малина!.. За насъ Богъ!..

Когда главная опасность миновала и „Стерегущій“ ушелъ на большое разстояніе отъ непріятеля, Сергѣева снова покинуло хладнокровіе. Онъ опять волновался, потиралъ красныя, сильныя руки, бѣгалъ взадъ и впередъ по маленькому мостику.

— Не много насъ, но мы славяне!—попробовалъ онъ было даже запѣть, однако тотчасъ же бросилъ и побѣжалъ къ картѣ.

— Только бы не наткнуться. Кажется, курсъ проложенъ вѣрно... Эй, рулевой, не сбивайся, смотри, съ румба. Чтобы безъ отклоненій!

— Будьте благонадежны, ваше благородіе... Не время теперь сбиваться.

— Ну, то-то... Не проворонь.

Было уже совершенно свѣтло. Туманъ хотя не разсѣялся, но значительно порѣдѣлъ, когда, по соображеніямъ Сергѣева, судно подходило къ Талиенванской бухтѣ.

— Въ машинѣ, меньше ходъ!—скомандовалъ онъ въ машинный рупоръ,

— Есть въ машинѣ меньше ходъ,—заученной фразой отвѣтилъ голосъ Анастасова.

Будто огромная тяжесть свалилась съ плечъ кочегаровъ.

— Благополучно дошли, значить... Поздравляю, братцы!—вырвалось у Анастасова, и онъ помчался на верхнюю палубу, чтобы узнать, въ какомъ положеніи дѣло.

Когда черный и пышащій жаромъ кочегарки инженеръ-механикъ выскочилъ наверхъ, до него донеслось громкое и дружное „ура“.

Это команда „Рѣшительнаго“ встрѣчала ихъ. „Стерегищій“ самымъ малымъ ходомъ огибалъ островокъ, за которымъ вчера весь день прятался.

Командиръ „Рѣшительнаго“ махалъ въ воздухѣ фуражкой и кричалъ какое-то привѣтствіе въ рупоръ. Какое именно—разобрать было нельзя, такъ какъ машинамъ дали задній ходъ и шумъ заглушилъ слова.

Сіяющій и возбужденный, Сергѣевъ, держа въ правой рукѣ рупоръ, отчетливо-громко крикнулъ:

— Исполнивъ порученіе адмирала, я сію же минуту—пользуясь прикрытіемъ тумана, возвращаюсь въ Портъ,

Артуръ, не дожидаясь ночи. Прошу извѣстить меня, будете ли вы слѣдовать за мной или останетесь въ Дальнемъ до наступленія темноты.

— Я поднимаю якорь и слѣдую на „Рѣшительномъ“ за вами, — получился тотчасъ же, отвѣтъ и почти одновременно съ нимъ послышался лязгъ выбираемой якорной цѣпи.

Съ „Рѣшительнаго“ неслись отрывистыя восклицанія, обычныя при подъемѣ якоря:

— Пошелъ!.. Сталъ якорь!.. Чистъ якорь!..

А у Сергѣева въ душѣ все ликовало.

Это туманное, сѣрое утро, хмурое и мглистое, ему казалось такимъ радостнымъ, такимъ безконечно свѣтлымъ и лучезарнымъ, что онъ готовъ былъ прыгать, дурачиться, хохотать, какъ мальчишка.

Рядомъ съ нимъ стояли Сорочкинъ и Кривецкій, тоже веселые, тоже сіяющіе.

— Вѣдь все, все до собственной башки ставили на карту!.. Самъ Богъ за насъ!.. И везетъ же намъ! Вы только сообразите, только вникните. Стоило какому-нибудь изъ этихъ плюгавыхъ япошей, что шли на катерѣ, замѣтить миноносецъ—и нѣтъ спасенія!.. Конечно, я этого имъ не простилъ бы. Я въ одну минуту пустилъ бы ко дну поганую скорлупку!.. Но какой скверный конецъ! Услышавъ выстрѣлы, насъ моментально освѣтили бы прожекторами и, какъ крысу, прихлопнули бы въ этой западнѣ!.. Вы знаете, въ тѣ десять минутъ, что мы выходили изъ пролива, я перемучился такъ, какъ не мучился

во всю свою жизнь... Да, вышелъ бы номеръ!.. Глупѣйшимъ образомъ самому отдаться въ руки врага!.. За то, когда мы очутились на морѣ и стали подходить къ эскадрѣ, я твердо вѣрилъ, что все будетъ хорошо, что мы возвратимся невредимыми. „Ужъ если въ крысоловкѣ не попались, то здѣсь и Богъ не велѣлъ“, думалось мнѣ.

Съ „Рѣшительнаго“ послышался голосъ командира:

— Я готовъ... Можно сниматься.

— Малый ходъ впередъ! Бакъ, впередъ смотрѣть! — звонко скомандовалъ Сергѣевъ и обратясь къ офицерамъ, продолжалъ: — Господа, прошу по мѣстамъ. Опасность еще не совсѣмъ миновала.

Сорочкинъ отправился на бакъ, а Анастасовъ въ машинное отдѣленіе.

Кривецкій же остался на мостикѣ съ командиромъ и, вооружившись биноклемъ, сталъ смотрѣть въ море.

Туманъ мало-по-малу таялъ. Съ каждой минутой горизонтъ больше и больше очищался. Чувствовалось приближеніе солнца, хотя еще и невиднаго за облакомъ тумана, но уже побѣждающаго, яркаго, ослѣпительнаго.

— Успѣемъ ли дойти во время? Кажется, туманъ разсѣивается, — проговорилъ Кривецкій, глядя на все болѣе свѣтлѣющую даль океана. — Какъ бы японцы не захватили.

— Захватить они насъ во всякомъ случаѣ не могутъ. Вѣдь мы тоже зубастые, тоже кусаемся, — и командиръ кивнулъ въ сторону орудій.

Откуда-то нахлынуло новое облако тумана и онъ густыми клубами окуталъ корпусъ, зашипѣлъ слегка у горячей трубы, закружился и заласкался въ складкахъ повисшаго андреевскаго флага.

— Баковъ, впередъ смотрѣть! — крикнулъ командиръ.

— Есть впередъ смотрѣть! — донесся безстрастный отвѣтъ съ бака.

— Туманъ уходитъ, ваше благородіе! — крикнулъ сигнальщикъ, взобравшійся на крышу рубки и устроившій тамъ наблюдательный постъ.

И точно. Свѣжій морской бризъ всколыхнулъ густыя волны тумана и погналъ ихъ къ берегу. А ослѣпительное солнце помогало ему, преслѣдуя по пятамъ мрачныя хлопья мглы, жалкіе и сборванные.

VI.

Смертный бой.

И какъ только открылись голубовато-дымчатая дали моря—вся команда отъ изумленія ахнула и застыла.

— Непрiатель!! — не своимъ голосомъ взвигнулъ сигнальщикъ и почти скатился на палубу съ крыши командирской рубки.

— Непрiатель!.. Непрiатель!.. — звенящей, нервной ноткой пронеслось на „Стерегущемъ“ сверху до низу.

Въ какихъ-нибудь двухъ верстахъ отъ миноносца, на взморьѣ, параллельно съ нимъ рѣзво бѣжали три япон-

скихъ миноносца. Бѣлые флаги съ краснымъ кругомъ по срединѣ рѣяли въ воздухѣ, а нѣсколько дальше, вытянувшись въ одну вильватерную колонну, медленно двигался рядъ крейсеровъ. Очевидно, японцы замѣтили „Рѣшительнаго“ и „Стерегущаго“ и надавали ходу, чтобы отрѣзать имъ проходъ въ Портъ-Артуръ.

— Прислуга по орудіямъ! Изготовить орудія лѣваго борта къ бою!.. — хладнокровно и не возвышая голоса скомандоваль Сергѣевъ и, обращаясь къ Кривецкому, добавилъ:

— Мичманъ Кривецкій, поздравьте ихъ съ добрымъ утромъ изъ семидесятипяти-миллиметроваго!..

Когда Кривецкій распоряжался: „прицѣль двадцать, влѣво полтора!“, то голосъ его дрожалъ и обрывался, а командиръ, широко разставивъ ноги, облокотился плечомъ о стѣнку рубки и хладнокровно доставалъ изъ кармана портсигаръ. Какъ и всегда въ критическіе моменты его голова приобрѣла вдругъ изумительную ясность, а сердце билось покойно и ровно.

«Рѣшительный» надавалъ. Онъ значительно приблизился къ берегу и шелъ подъ самыми скалами, рискуя ежеминутно наткнуться на рифъ.

— Ну, братцы, чуръ не робѣть и не суетиться! Перевѣдаемся съ японцами, чѣмъ Богъ послалъ! — шутливо кривнулъ съ мостика Сергѣевъ.

Самое большое орудіе „Стерегущаго“ рывкнуло и словно какимъ-то таинственнымъ фокусомъ выбросило огромный бѣлый шаръ дыма.

Снарядъ зазвенѣлъ въ воздухѣ, и вслѣдъ ему прогремѣло короткое „ура“ команды.

— Далеко берете, мичманъ... Перелетъ... — ровнымъ голосомъ сказалъ командиръ, разсмотрѣвъ съ мостика, что снарядъ разорвался, значительно перелетѣвъ японскіе миноносцы.

— Ваше благородіе, никакъ ихній миноносецъ хочетъ обогнуть насъ. Дюже шибко бѣжить, подлый!—крикнулъ Чурбановъ.

— Ладно. Еще посмотримъ, чья возьметъ. Въ машинѣ самый полный ходъ... Наддайте!..

„Стерегушій“ рванулся. Огибавшій его японскій контръ-миноносецъ черезъ первыя же двѣ минуты сталъ замѣтно отставать и тотчасъ же перемѣнилъ образъ дѣйствій. Видя невозможность забѣжать впередъ и отрѣзать нашъ миноносецъ отъ Артура, японецъ старался лишь не отставать, но съ каждой секундой сокращалъ разстояніе, крени судно на правый бортъ.

— Непрiятель сближается!—заоралъ снова Чурбановъ

— А ты не кричи здорово. Пусть сближается... Погрѣмся...

Два другихъ миноносца бросили преслѣдованіе «Стерегушаго» и обратились на замѣтно отставшаго „Рѣшительнаго“.

— Меньше ходъ! Надо спасти товарища, — громко проговорилъ Сергѣевъ.

Въ этотъ моментъ съ непріятельскаго миноносца раздался первый выстрѣлъ. Ядро, свистя и визжа, про-

неслось надъ „Стерегущимъ“ и шлепнулось далеко въ морѣ, поднявъ къверху столбъ воды.

— Наконецъ-то!.. Научили—таки вѣжливому обращенію,—сквозь зубы пробурчалъ командиръ и, замѣтивъ, что два отставшихъ миноносца поравнялись съ нимъ и идутъ почти параллельно, вдругъ скомандовалъ:

— Оба борта открыть огонь!

Треснулъ оглушительный залпъ, и сквозь него снова послышалась команда:

— Бѣглый!.. По пяти патроновъ!..

Наводчики сначала приостановились, чтобы узнать послѣдствія залпа, и когда лѣвый сигнальщикъ закричалъ „недолетъ“, а правый «перелетъ», то снова открыли бѣглый огонь, безъ передышки.

На полномъ ходу «Стерегущій» то весь съ трубой и флагомъ окутывался пороховымъ дымомъ, то, словно изъ волны кружевъ, выскакивалъ на чистый воздухъ.

Какъ-то странно звучалъ громъ битвы въ это свѣтлое утро. Прозрачное высокое-высокое небо, яркій, не палящій, а спокойно-ласковый свѣтъ солнца и будто паутинкой завѣшанный вдали край океана — смотрѣли такъ кротко, такъ по-весеннему задумчиво!..

Японцы же шли въ какихъ-нибудь пяти кабельтовыхъ отъ „Стерегущаго“ и палили, палили изо всѣхъ силъ.

На бакѣ, гдѣ съ разгорѣвшимися отъ возбужденія глазами стоялъ Терентьевъ и слѣдилъ въ бинокль за паденіемъ нашихъ снарядовъ, вдругъ что-то треснуло. Со звономъ, съ какимъ-то возмутительно-непріятнымъ ляз-

гомъ, разорвалась японская граната, разбросала бухту манильского троса, аккуратно скатанного и засыпала осколками Терентьева. Тотъ даже не успѣлъ ни пригнуться, ни что-либо подумать. Онъ только безотчетно вскрикнулъ, отвѣчая на боль въ правой рукѣ. Лишь когда разсѣялся дымъ, студентъ посмотрѣлъ на руку и догадался, что раненъ. Правый рукавъ былъ на половину вырванъ, и изъ-подъ обшлага по ладони текла теплая струйка крови.

— Вотъ такъ фунтъ!.. Это уже скверно! — подумалъ Терентьевъ и зажалъ рану.

— Никакъ раненъ, братъ? Маленько царапнуло. Дай-кось—погляжу.

И возлѣ Терентьева сталъ возиться Мартынычъ. Рана оказалась хотя и скверная, рваная, съ развороченнымъ до кости мясомъ, но кости не были повреждены. Мартынычъ мѣлъ ее соленой водой и повязывалъ бинтомъ.

— Ничего, пройдетъ, утѣшалъ онъ студента.

Терентьеву же было такъ больно, что его стало тошнить и закружилась голова. Послѣ повязки полегчало.

„Стерегущій“ замѣтно уменьшилъ ходъ. Японскій снарядъ попалъ въ машинное отдѣленіе и котелъ правой машины страшно парилъ.

«Рѣшительный» ушелъ далеко впередъ. Уже невооруженнымъ глазомъ видна Золотая гора. Вонъ, направо ясно виднѣются дачныя мѣста. «Рѣшительный» остановился у входа во внутренній бассейнъ, миляхъ въ трехъ отъ фортовъ, и отстрѣливается отъ преслѣдующаго

его японца. Сергѣевъ все это отлично видитъ, а его красавецъ—«Стерегущій» еле двигается. Мало-по-малу онъ ближе и ближе подходитъ къ берегу. Одинъ изъ нападающихъ контръ-миноносцевъ тоже сильно паритъ и также неуклюже поворачивается. Повидимому, наша бомба взорвала у него котлы. Однако, японцы здорово пристрѣлялись, и ихъ снаряды то и дѣло рвутся на палубѣ, въ корпусѣ, въ машинномъ и палубномъ кубрикѣ. По большей части это мелкія гранатки, но ихъ много. То тамъ, то здѣсь на палубѣ слышатся стоны, вопли раненыхъ. Сбѣжавшій внизъ съ мостика Кривецкій вдругъ взмахнулъ руками и безъ звука рухнулъ на палубу. Возлѣ него поднялся столбъ дыма и осколковъ.

— Слабый былъ человѣкъ, но славно умеръ,—проговорилъ командиръ, обращаясь къ Сорочкину, и перекрестился.

Тотъ, кажется, не разслышалъ. Насколько спокойнымъ и наружно хладнокровнымъ казался Сергѣевъ, настолько же въ возбужденномъ состояніи былъ мичманъ. Съ раскраснѣвшимся лицомъ и судорожными, будто въ виттовой пляскѣ, подергиваніями рукъ и ногъ, онъ подбѣгалъ то къ одному орудію, то къ другому, что-то такое приказывалъ, въ чемъ-то распоряжался и врядъ ли самъ себѣ отдавалъ отчетъ, чего онъ хочетъ и что говорить командѣ.

А экипажъ съ каждой минутой становился сосредоточеннѣе и мрачнѣе. Сначала шутили, смѣялись, балагурили. Но теперь стало не до шутокъ: кругомъ на палубѣ ва-

лялись израенные, исковерканные люди, дымились вывороченныя внутренности, текла кровь.

Изъ сорока пяти человѣкъ экипажа добрая половина перебита. Иныхъ снесло въ воду, другіе корчились въ предсмертныхъ мукахъ.

— Машинная команда наверхъ, къ орудіямъ!—крикнулъ въ рупоръ командиръ.

Первымъ выскочилъ Анастасовъ.

— Я не могу безъ команды двигаться. Оставьте хоть пять человѣкъ...

— Двигаться не надо... Будемъ драться... Все равно не уйти,—сквозь зубы пробурчалъ командиръ, но Анастасовъ его не слышалъ.

— Я говорю, мнѣ пятерыхъ!—крикнулъ онъ, заглушая громъ пальбы.

— Не дамъ! Драться надо!..

— Помощь идетъ! Помощь... „Новикъ“, „Баянъ“!..

Терентьевъ съ перевязанной рукой и съ тремя осколками въ лѣвомъ колѣнѣ лежалъ на бакѣ и смотрѣлъ на крѣпость. Онъ видѣлъ, какъ на Золотой горѣ бѣжали и сутились какіе-то люди, очевидно, наблюдая бой „Стерегущаго“. До нихъ было такъ недалеко, что въ бинокль пожалуй, можно было видѣть выраженіе лицъ. „Рѣшительный“, очевидно, не рѣшался прійти на помощь „Стерегущему“, но и не уходилъ въ портъ. Онъ, перестрѣливаясь на приличномъ разстояніи съ однимъ изъ непріятельскихъ миноносцевъ, отвлекалъ его отъ нападенія на товарища.

И вдругъ Терентьевъ ясно увидѣлъ, какъ изъ-за громады Золотой горы показался сначала «Новикъ», а за нимъ „Баянъ“.

— Помощь! Помощь!.. „Новикъ“, „Баянъ“! — закричалъ студентъ во всю силу легкихъ.

Сергѣевъ обернулся. Дѣйствительно. Рѣзво поворачивая на мѣстѣ, закидывая корму и пѣня винтомъ воду, спѣшилъ «Новикъ»; «Баянъ» еще только вытягивался длиннымъ корпусомъ изъ-за горнаго массива.

Тогда съ удвоенной энергіей лейтенантъ крикнулъ внизъ на палубу:

— Дружнѣй, братцы! Жарь въ хвостъ и въ гриву!.. Наши на выручку идутъ!..

Канонада загрохотала съ удвоенной силой. Ни на какой практической стрѣльбѣ нельзя даже мечтать о той безумной скорости, съ которой подавали снаряды, заряжали и палили. Наблюдая съ мостика, Сергѣевъ минутами думалъ, что всѣ до одного снаряды достигаютъ цѣли.

Неприятельскій миноносецъ былъ весь окутанъ дымомъ отъ разрывовъ нашихъ гранатъ. Два раза тамъ виденъ былъ столбъ пламени и масса густого дыма огромнымъ облакомъ поднималась вверху. Очевидно, наши гранаты взорвали ихъ снаряды на палубѣ.

— Цѣлься лучше, братцы!.. Цѣлься лучше и не жалѣй патроновъ!..

И вдругъ Сергѣевъ выпустилъ изъ рукъ поручни и какъ мѣшокъ свалился съ мостика на палубу.

— Братцы, Командиръ!.. Командиръ!..

Къ нему бросились, подхватили на руки. Онъ не шевелился, только губы чуть замѣтно вздрагивали. Четверо матросовъ, трое изъ которыхъ тоже были ранены, понесли командира на бакъ и облили ему голову водой. Правую руку Сергѣеву оторвало выше локтя и изъ бока сочилась кровь. Низко надъ лицомъ лейтенанта наклонился Терентьевъ, махалъ рукой матросамъ и говорилъ:

— Ступайте, братцы, ступайте... Я и одинъ... одинъ досмотрю...

Они ушли, но досматривать было нечего. Командиръ только разъ открылъ глаза и проговорилъ отчетливо:

— На абордажъ, ребята!.. Штыкомъ, его... А—а!..—и умолкъ.

Еще минутъ пять подергивались нервно посинѣвшія губы, и кровавая пѣна пузырянками выступала изъ горла, а потомъ и это прекратилось.

Сорочкинъ взбѣжалъ на мостикъ... Неужели не придутъ на помощь? Неужели „Новикъ“ и „Баянъ“ не желаютъ выручить ихъ, спасти? Но, Боже мой, что тамъ?

Сорочкинъ растерянно замахалъ руками и, какъ полоумный, бросился опять къ орудіямъ. То, что онъ увидѣлъ, не требовало объясненій. Защищая свои миноносцы, атакующіе „Стерегущаго“, японскіе крейсера преградили „Новику“ и „Баяну“ путь. Между ними завязалась отчаянная пальба. Бой миноносцевъ втянулъ въ дѣло и крейсера, но надежды на помощь не могло быть...

Гибель «Стерегущаго».

Три японскихъ миноносца полукругомъ обступили „Стерегущаго“. Ихъ снаряды, будто дождь ревущей раскаленной стали, засыпали палубу, сметали все живое...

Упалъ мичманъ Сорочкинъ, но поднялся, перевязалъ голову платкомъ и пошелъ къ орудію.

Большія пушки были разбиты. У „Стерегущаго“ уже не было никакой надежды на побѣду, такъ какъ осталось только два самыхъ маленькихъ орудія. На ногахъ оставалось человѣкъ десять матросовъ, наполовину израненныхъ.

Инженеръ-механикъ Анастасовъ сначала рѣшительно распоряжался, самъ подавалъ снаряды и заряжалъ орудія, но послѣ куда-то исчезъ. Должно быть, былъ убитъ и сброшенъ въ море.

На палубѣ отъ крови стало скользко. Оторванные части тѣла валяются грудями. Дымится здѣсь и тамъ начинающійся пожаръ.

Но миноносецъ не сдается. Андреевскій флагъ развѣвается въ воздухѣ, и все съ той же отчаянной рѣшимостью двѣ пушечки шлютъ японцамъ снарядъ за снарядомъ.

И вдругъ все стихло. Японцы разомъ прекратили пальбу. Когда вѣтеръ согналъ дымъ, то команда „Стерегущаго“ поняла, въ чемъ дѣло.

— Абордажъ! Абордажъ, братцы!..

— Разобрать винтовки и палаши! — несется чья то команда.

Однако эти грозныя слова не имѣютъ ничего страшнаго. На нихъ откликнулось пять - шесть человекъ. И офицеры, и матросы перебиты — отразить абордажъ некому.

У Терентьева къ этому времени разбило вторую ногу. Онъ лежалъ на бакѣ рядомъ съ тѣломъ командира и отъ потери крови минутами терялъ сознание.

— Абордажъ! Абордажъ!..

Терентьевъ открылъ глаза, приподнялся. Что это? Не измѣняется ли ему зрѣніе?!

Два японскихъ миноносца — одинъ съ кормы, другой съ праваго борта — быстро катятся на „Стерегущаго“. Вотъ поравнялись, вотъ хватаются баграми.

! — Ага, такъ значитъ дѣйствительно абордажъ! Неужели возьмутъ въ плѣнъ, захватятъ „Стерегущаго“!..

Въ мозгу Терентьева мелькаетъ отчаянная мысль. Онъ силится встать, но раздробленныя кости ногъ не слушаются. Со стономъ онъ валится.

— Чурбанова! Сюда! Ко мнѣ, Чурбанова! — изо всѣхъ силъ кричитъ Терентьевъ.

Толпа японцевъ въ этотъ моментъ хлынула на палубу.

— Ура!!

И кучка русскихъ бросается въ рукопашную.

— Нельзя отдавать имъ „Стерегущаго“, — шепчетъ Терентьевъ товарищу. — Бѣги внизъ, открой кингстоны..

Пусть лучше пойдёмъ ко дну, чѣмъ отдаться въ руки врагу. Иди, Чурбановъ!..

Слабая рука истекающаго кровью Терентьева порывисто креститъ товарища.

— Иди же... Скорѣй!..

Японцевъ въдесятеро больше. Они перепрыгиваютъ со своихъ судовъ на наше, тѣснятъ, одолѣваютъ. Въ самую середину ихъ съ яростнымъ крикомъ бросается богатырь Чурбановъ. Въ его громадной лапѣ матроскій палашъ — страшное оружіе. Онъ рубитъ остервенѣло, изступленно, точно въ припадкѣ буйнаго сумасшествія. Японцы шарахаются въ стороны, даютъ дорогу. Стрѣлой Чурбановъ перебѣгаетъ черезъ палубу и исчезаетъ на трапѣ.

— Молодецъ, молодецъ! — шепчетъ Терентьевъ, лихорадочно слѣдящій за картиной этой послѣдней борьбы „Стерегушаго“.

Съ тоской, съ непередаваемымъ волненіемъ отсчитываетъ раненый мгновенья.

Японцы завладѣли миноносцемъ, кинулись туда, сюда, что то ищутъ, обшариваютъ, вѣроятно, каюты. Но Терентьеву до нихъ мало дѣла. Въ наступившей тишинѣ онъ приложилъ ухо къ желѣзной палубѣ и слушаетъ!

Отъ этой мысли Терентьеву становится жутко. Онъ гонитъ ее прочь.

Но вотъ внизу, гдѣ то у самого днища „Стерегушаго“, послышался шумъ. Сначала неясный и глухой, онъ растётъ, ширится, переходитъ въ грозно-рокочущій гулъ. Это вода хлынула внутрь судна. Чурбанову удалось от-

винтить вингстоны, и въ огромныя отверстія, будто въ чудовищную пробоину, вода вливается съ побѣдной яростью.

Нѣтъ силъ остановить ее!

— Ура! Ура!—силится кривнуть Терентьевъ, но наружу это выходитъ слабымъ, умирающимъ стономъ.

Приподнявшись въ послѣдній разъ, онъ видитъ, какъ быстро, замѣтно для глаза, осѣдаетъ въ море „Стерегущій, какъ взволнованно и растерянно бѣгутъ на свои миноносцы японскіе матросы, какъ поспѣшно они рубятъ канаты, чтобы не потонуть вмѣстѣ съ нашимъ судномъ.

— Такъ, такъ!.. Ура!—шепчетъ Терентьевъ въ полузабытьѣ.

„Стерегущій“ еще нѣсколько минутъ покойно стоялъ, а послѣ качнулся сначала правымъ бортомъ, потомъ лѣвымъ, [черпнулъ воды—и тихо пошелъ ко дну.

Викторъ Козловъ.

Редакторы-Издатели:

С. А. Володимировъ, М. Д. Плетневъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1914-й годъ

на еженедѣльную общественно-политическую иллюстрир. газету.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ (съ пересылкой) ОДИНЪ РУБ.

Русская Земля

независимая газета, стоящая вне всякихъ партій, посвященная служажая дѣлу обновленія Россіи на коренныхъ русскихъ началахъ.

Русская Земля

будетъ освѣщать съ достаточной полнотой все текущее вопросы политической, церковной, общественной и военной жизни, не ограничиваясь однимъ обзоромъ событій

Русская Земля

будетъ выходить въ форматѣ большихъ еженедельниковъ (въ 2 печатн. листа, 16 стр.)

Русская Земля

въ каждомъ № будетъ даваться до 10 рисунковъ (иллюстраціи къ тек. соб. портреты, каррикатуры).

Для провинціи вполне можетъ замѣнить еженедельную газету.

Адресъ Конторы газеты „Русская Земля“ С.-Пб, Надеждинская, 10.

Газета за одинъ р. въ годъ.

Газета за одинъ р. въ годъ.

Къ читателямъ.

Журналъ „Отрезвленіе“ даетъ здоровое и полезное чтеніе для народа въ видѣ маленькихъ книжекъ и листковъ стоимостью отъ 1 до 5 коп. каждый.

Редакція „Отрезвленія“ стремится къ тому, чтобы выпускаемая ею книжки и листки продавались народу, по возможности, повсемѣстно.

Въ каждомъ селѣ можетъ быть устроена подобная продажа. Каждый священникъ учитель и просто ревнитель трезвости и просвѣщенія, выписывая нѣсколько экземпляровъ журнала „Отрезвленіе“ будетъ еженедѣльно получать достаточное количество листковъ и книжекъ для такой продажи.

Редакторы журнала „Отрезвленіе“.

Членъ Гос. Думы свящ. М. В. Митроцкій, С. А. Валодимеровъ и М. Д. Плетневъ.

